

**МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НИЖНЕВОЛЖСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

15-18 ноября 2016 г.

**ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОЛОГИИ
НИЖНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ**

Элиста

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*Материалы V Международной Нижневолжской
археологической конференции*

15-18 ноября 2016 года

УДК 902(470.44/.47)(082)

ББК Т4(235.547)я431

П 781

«Проблемы археологии Нижнего Поволжья», V Международная Нижневолжская археологическая конф. (2016; Элиста). V Международная Нижневолжская археологическая конференция «Проблемы археологии Нижнего Поволжья», 15-18 ноября 2016 г. [Текст]: материалы / редкол.: П.М. Кольцов [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. – 288 с.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО
«Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»*

В сборник докладов V Международной Нижневолжской археологической конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья» вошли материалы, отражающие актуальные проблемы в области археологии региона каменного, бронзового, раннего железного веков, средневековья. В конференции приняли участие ученые Атырау, Уральска, Караганды, Павлодара (Казахстан), Орхуса (Дания), Донецка, Москвы, Санкт-Петербурга, Азова, Астрахани, Армавира, Волгограда, Воронежа, Саратова, Самары, Симферополя, Элисты, Ростова-на-Дону, Казани, Краснодар, Уфы, Пушкино (Московская область), Пасковей (Ставропольский край), Балашова, Ставрополя.

Сборник предназначен археологам, историкам, этнографам, специалистам естественных наук, аспирантам и студентам.

Научная конференция проведена при финансовой поддержке КалмГУ

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук П.М. Кольцов (отв. редактор),
д-р ист. наук, профессор А.С. Скрипкин,
канд. ист. наук, доцент С.М. Мургаев,
канд. ист. наук, доцент М.С. Горяев,
старший преподаватель В.Т. Кардонов

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-91458-218-7

© ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова», 2016
© Авторы, 2016

ФИБУЛА С «ХУННСКОЙ» ТАМГОЙ ИЗ ПРИАЗОВЬЯ

Бронзовая фибула, о которой пойдёт речь в заметке, не имеет внятной истории происхождения. Застёжка хранится в Волгодонском эколого-историческом музее (№ КП-3731). В спичечном коробке фибулу сопровождает пояснительная записка со следующим текстом: «Кр. Балка – 78 грот с погребениями (2) на мысу правого борта». Восстановить информацию о времени и обстоятельствах находки, к сожалению, не представляется возможным.

Топоним «Красная балка» можно обнаружить в километре от х. Красная Поляна в Азовском районе Ростовской области. Осенью 2011 г. вероятное место находки было обследовано. Балка длиной около километра, с северо-востока впадает в правобережную пойму р. Мокрая Чубурка (рис. 1). На правом берегу, у места впадения в пойму реки, находятся остатки СТФ. В северной её части располагаются силосные траншеи. Рядом с фермой в балке сооружен пруд. Грунт для плотины брался с правого борта балки. Возможно, фибула происходит из разрушенных погребений при строительных работах 1970-х или 80-х гг. в районах силосных траншей или же в местах забора грунта для плотины. Опрос местного населения информации не добавил.

Практически беспаспортную находку можно было бы оставить без внимания. Но рассматриваемая фибула относится к разряду тех древностей, которые даже без сопроводительного контекста являются важным источником информации, игнорировать который не следует.

Фибула (рис. 2, 1) имеет ленточную спинку, подвижной приёмник и 4-витковую пружину с нижней тетивой. Спинка ближе к пружине плавно расширена до 1 см. Подвижной приёмник и игла не сохранились. Длина фибулы 4,3 см. По классификации В.В. Кропотова она относится к группе «гибридных» фибул (группа 11, форма 6). Аналогичные изделия, но с верхней тетивой, встречаются в некрополях нижнедонских и кубанских городищ и в могильниках Юго-Западного Крыма. По сопровождающему инвентарю застёжки данного типа датируются II в. н. э. (Кропотов, 2010. С. 250–253, рис. 71, 1).

Исключительный интерес к фибуле вызван наличием на ней изображения тамги (рис. 2). Знак набит канфарником с внутренней стороны ленточной спинки. С внешней стороны изображение просматривается в виде слегка выпуклых бугорков, некоторые из которых в процессе археологизации превратились в сквозные отверстия с неровными краями.

Прежде всего, следует отметить, что фибулы не относятся к категории элементов костюма, на которых часто встречаются сарматские тамги. В отличие от пряжек и наконечников поясов с тамгами, присутствующих в большом количестве среди древностей Боспора II в. н.э. (Трейстер, 2011. С. 303–339), до недавнего времени была известна всего лишь одна фибула с тамгой. Речь идёт о бронзовой фибуле (рис. 3, 1), происходящей из Гурзуфа и опубликованной М. Эбертом в начале XX в. (Ebert, 1909. S. 70, 71, Abb. 4). На фибуле изображён царский знак Тиберия Евпатора (154–170 гг. н.э.).

О способе нанесения изображения на фибулу можно сказать, что он довольно характерен для сарматских знаков, встречающихся на металлических изделиях I–III вв. н.э. В регионе находки фибулы – в Приазовье, знаки, набитые канфарником, обнаружены на медной обкладке пояса (рис. 3, 3) из погребения № 98 некрополя Танаиса (Шелов, 1961. С. 36, таб. XL, 2; Соломоник, 1962. С. 164, рис. 15) и на внутренней стороне серебряной фиалы из кургана 11 могильника Ново-Александровка I (Сокровища ..., 2008. С. 133). В Прикубанье известна небольшая серия серебряных сосудов с сарматскими тамгами, нанесёнными именно этим способом: ст. Михайловская, аул Ленинохавль и хут. Городской (Воронятов, 2009. С. 92, 93, 95, рис. 7, 1, 2). На упомянутой фибуле из Гурзуфа, судя по рисунку в публикации М. Эберта⁴, знак и окружающий его орнамент также набиты канфарником. Но сделано это было более аккуратно и тщательно, чем на рассматриваемой фибуле из Красной балки.

Интересен сам знак в виде круга с ответвлением, заканчивающимся разнонаправленными завитками (рис. 2). Схема этой тамги довольно распространена в Сарматии в первые века н.э. В частности, следует упомянуть очень близкий знак, также набитый канфарником на тыльной стороне золотой броши (рис. 3, 4) из кургана № 48, раскопанного в начале XX в. между станицами Казанской и Тифлисской в Прикубанье (Гущина, Засецкая, 1994. С. 50, таб. 14, 142). Тамга (рис. 3, 2), в точности повторяющая изображение на фибуле, известна на одной из известняковых плит, найденных в Пантикапее (Драчук, 1975. Таб. XI, 832).

Неожиданной является другая точная аналогия рассматриваемому знаку, обнаруженная далеко на востоке, в хуннских древностях. Имеется в виду тамга, вырезанная на внешней поверхности дна китайской лаковой чашечки (рис. 2, 2), происходящей из материалов кургана № 23 в пади Судзуктэ могильника Ноин-Ула. Terminus post quem кургана с наибольшей долей вероятности определён последней третью I в. н.э. (Миняев, Елихина, 2010. С. 174, 175, рис. 4, 2, 6).

⁴ В публикации Э.И. Соломоник рисунок фибулы упрощён и дан без некоторых деталей (Соломоник, 1959. С. 130).

Параллели среди знаков-тамг Монголии и Северного Причерноморья были замечены ещё в 1970-х гг. (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 66–74). Знак на фибуле из Красной балки следует рассматривать именно в контексте данных наблюдений. Сейчас эти аналогии привлекаются при решении таких проблем, как сармато-китайские культурные связи и аланский этногенез (Яценко, 1993. С. 63, 64, рис. 2; Симоненко, 2003. С. 56; Скрипкин, 2010. С. 165). К параллелям среди знаков-тамг недавно был добавлен результат анализа категорий предметов с тамгами в сарматских и хуннских древностях. Исследование показало, что есть категории предметов, тамги на которых встречаются и в Сарматии, и в Монголии (Воронятов, 2013. С. 48–57).

В данном контексте лаковая чашечка с тамгой из кургана № 23 могильника Ноин-Ула интересна не только тамгой, аналогичной знаку на фибуле, но ещё и тем, что она является образцом существовавшей у хунну традиции изображать тамги на дне разнообразных сосудов. Эта традиция чётко совпадает с аналогичным явлением в среднесарматской культуре Северного Причерноморья (Воронятов, 2009. С. 80–92).

Формулируя выводы настоящей заметки, следует отметить: 1. Фибула из Красной балки является вторым известным на сегодняшний день образцом данной категории изделий, на которых присутствует изображение тамги; 2. Хуннская аналогия тамге на фибуле позволяет предполагать центрально-азиатские корни знаков подобной схемы в Северном Причерноморье; 3. Тип фибулы, характерный для территорий Нижнего Дона и Прикубанья, в сочетании с «хуннским» знаком является локальным случаем проявления центрально-азиатского кочевого импульса достигшего Северного Причерноморья в I – II вв. н.э.

Литература

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М. 1976. С. 66–74, 176–179.

Воронятов С.В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб, 2009. С. 80–98.

Воронятов С.В. Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами // НАВ. Вып. 13. Волгоград, 2013. С. 48–59.

Гуцина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб, 1994.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.

Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-Улы // ЗИИМК РАН. Вып. 5. СПб, 2010. С. 169–182.

Симоненко А.В. Китайские и центрально-азиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 45–65.

Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Сарматы и восток. Волгоград, 2010. С. 165–178.

Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб, 2008.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Соломоник Э.И. Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП УРСР. Т. 11. Киев, 1962. С. 158–168.

Трейстер М.Ю. Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками – феномен Боспорской культуры II в н.э. // ДБ. Т. 15. М. 2011. С. 303–339.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). МИА. Вып. 98. М. 1961.

Яценко С.А. Аланская проблема и центрально-азиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. Вып. 3. СПб, 1993. С. 60–72.

Ebert M. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme vom Baldenheimer Typus // PZ. 1. 1909. S. 65–77.

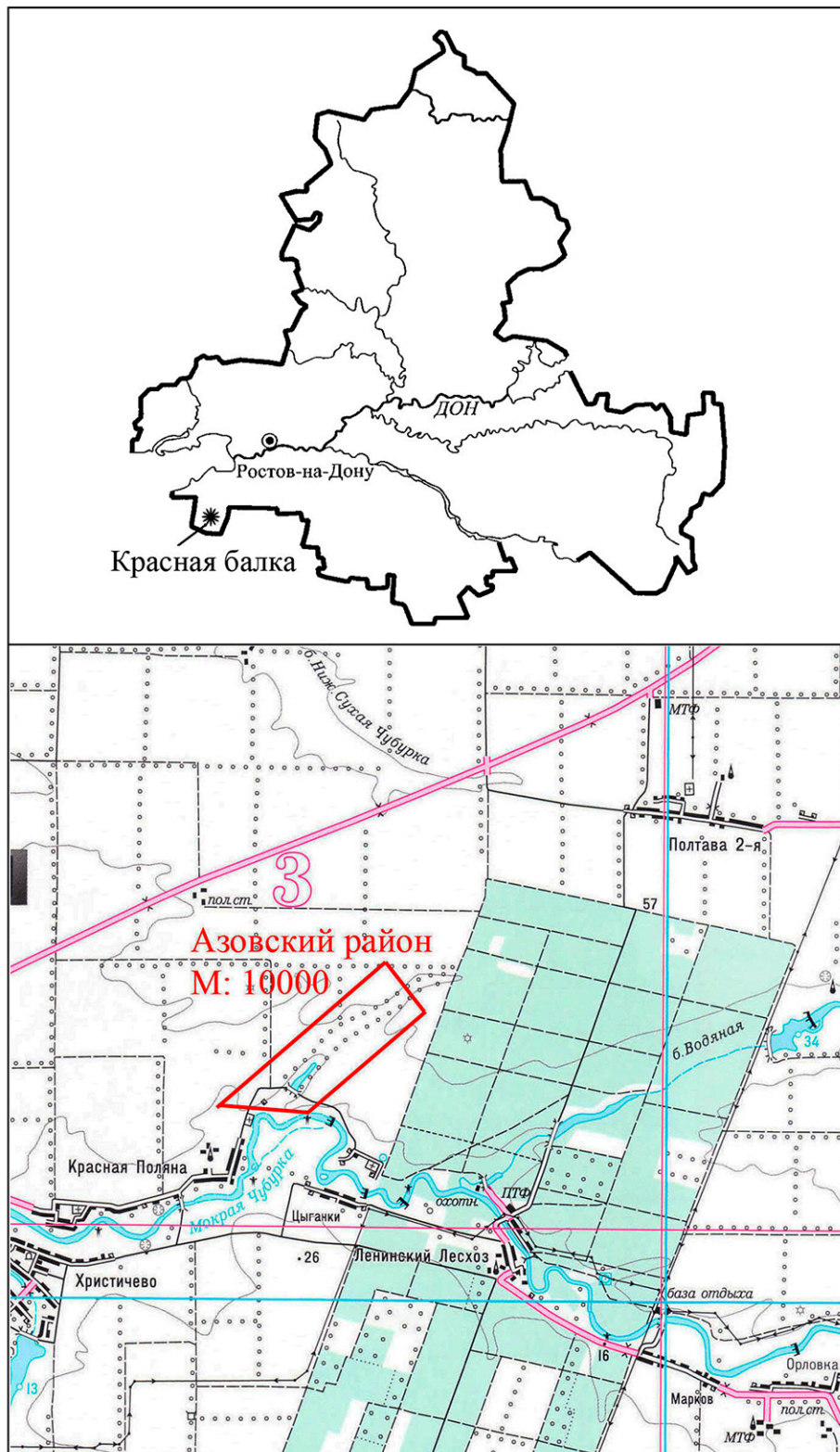

Рис. 1. Вероятное местонахождение фибулы на схеме и карте.

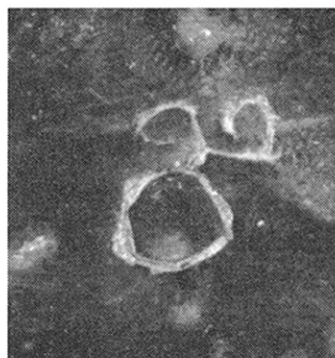
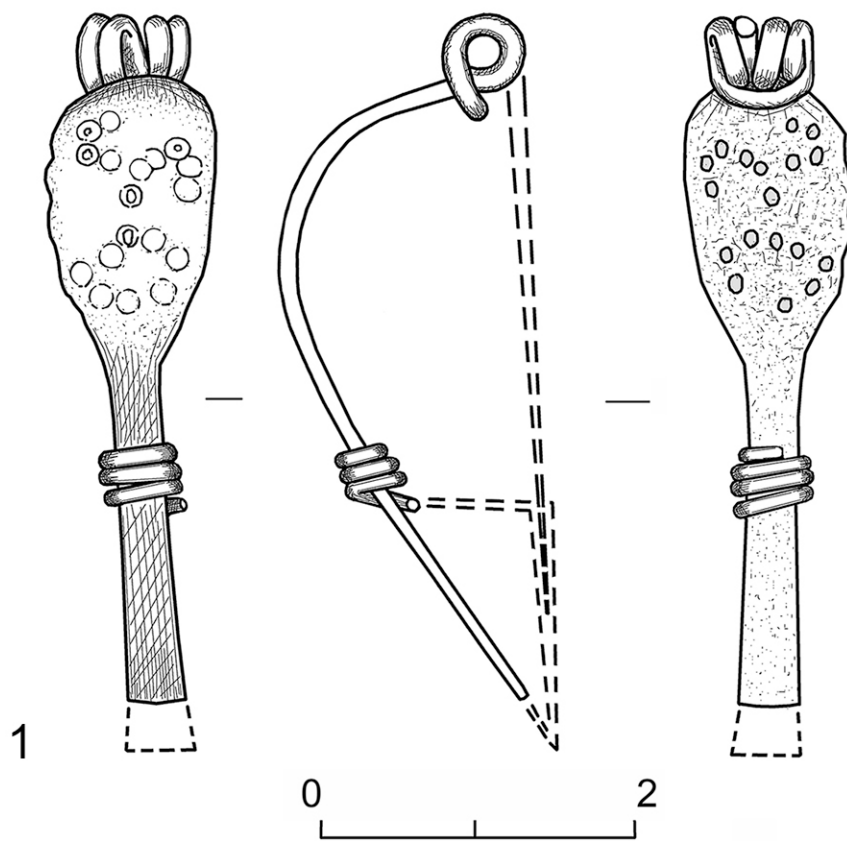

Рис. 2. 1. Фибула с тамгой из Красной балки; 2. Лаковая чашечка с тамгой из кургана № 23 в пади Судзуктэ могильника Ноин-Ула.

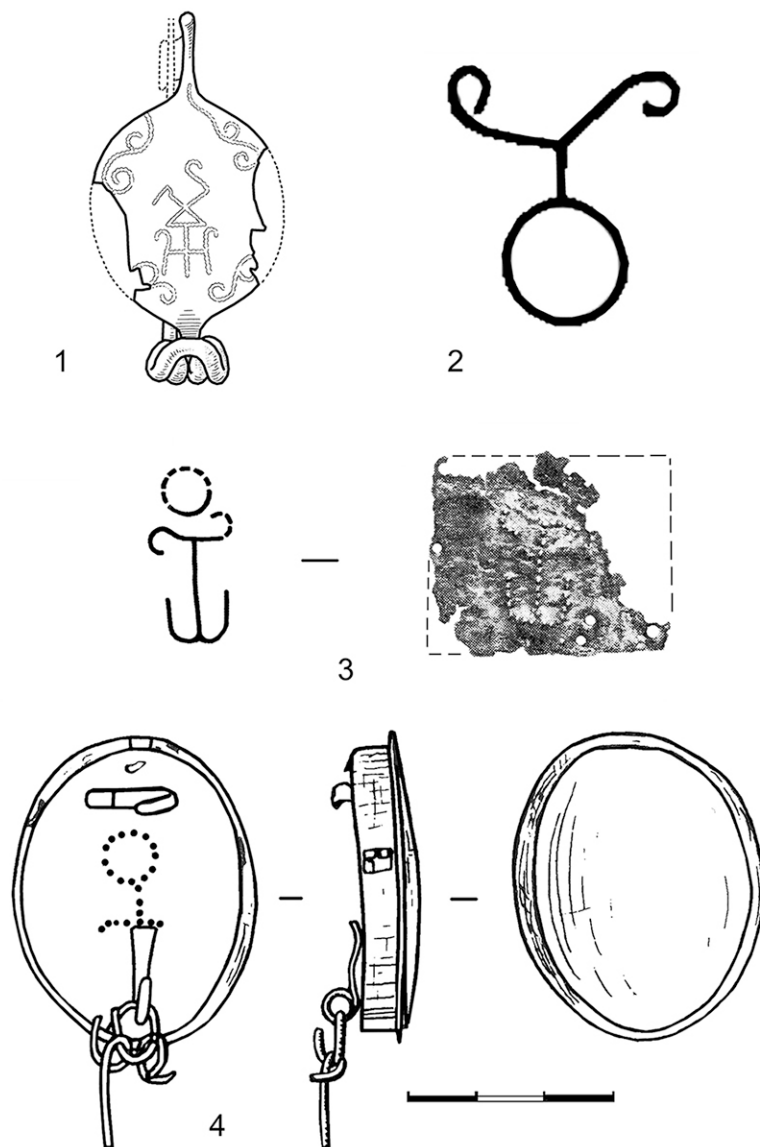

Рис. 3. Аналогии фибуле и знаку. 1. Фибула из Гурзуфа; 2. Тамга на плите из Керчи; 3. Обкладка пояса из погребения № 98 некрополя Танаиса; 4. Брошь из кургана № 48 между ст. Казанской и Тифлисской.

В.П. Глебов, И.В. Гудименко

ООО Археологическое научно-исследовательское бюро.
Ростов-на-Дону

КОМПЛЕКСЫ IV В. ДО Н.Э. ИЗ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ДЮННОЕ III

Грунтовый могильник Дюнное III (Гнилище I) расположен в 1,5 км к ЗСЗ от западной окраины ст. Старо-черкасской, на естественной песчаной возвышенности в 400 м от современного правого берега р. Дон. В ходе раскопок, проведённых в 2001 г. археологической экспедицией под руководством И.В. Гудименко, выяснилось, что эта возвышенность на протяжении нескольких тысячелетий использовалась как могильник. В общей сложности в дюнах было исследовано 155 разновременных погребений – от эпохи бронзы до позднего средневековья. Среди прочих комплексов в одной из дюн была открыта серия из четырёх захоронений IV в. до н.э. Погребения составляли ряд по гребню дюны в направлении восток – запад, три из них (№№ 37, 89, 94) располагались на расстоянии 5 – 7 м друг от друга, четвёртое (№ 62) находилось в 17 м к ВСВ от этой группы погребений. С этими захоронениями, вероятно, связаны найденные неподалёку развалы лепных сосудов и гераклейской амфоры.